

А. В. Корнев

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

В. В. Лазарев

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Телеологические и теологические смыслы развития российского права

Резюме. Проблематика статьи навеяна солидным юбилеем одного из старейших высших учебных заведений России — Казанского (Приволжского) федерального университета, на примере которого можно проследить драматические отношения теологии и науки в дореволюционный период нашей истории. Казанский императорский университет во всех смыслах слова был необычным учебным заведением. Кроме чисто учебных и научных, на него возлагались и другие функции. Особая миссия у него есть и сегодня. Это очень непростая тема, и каждая историческая эпоха предлагала свои варианты ответа на взаимосвязь различных вариантов видения мира. Относительно недавно теология и наука воспринимались как противоположные, взаимоисключающие познавательные системы. Авторы смотрят на проблему несколько иначе. Пожалуй, впервые в отечественной юридической науке телеология и теология рассматриваются как смыслообразующие факторы развития права. И не сами по себе, а в некоторой связи. В полной мере осознаем ответственность за такую постановку вопроса. Тем не менее интеллектуальная история человечества дает определенные основания для столь необычной для нашей науки точки зрения.

Ключевые слова: государство; история; наука; общество; право; религия; теология; телеология; университет; юриспруденция

Для цитирования: Корнев А. В., Лазарев В. В. Телеологические и теологические смыслы развития российского права. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 3. С. 142–151. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.142-151

Teleological and Theological Value for the Development of Russian Law

Arkadiy V. Kornev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Valery V. Lazarev

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The problems covered in the paper are inspired by the significant anniversary of one of the oldest higher educational institutions in Russia — Kazan (Volga Region) Federal University, which can be used as an example

to trace the dramatic relationship between theology and science in the pre-revolutionary period of our history. Kazan Imperial University was an unusual educational institution in every sense of the word. In addition to purely educational and scientific, other functions were assigned to it. It still has a special mission today. This is a very difficult topic, and each historical epoch has offered its own answers to the interrelation of different worldviews. Relatively recently, theology and science were perceived as opposite, mutually exclusive cognitive systems. The authors look at the problem somewhat differently. Perhaps for the first time in Russian jurisprudence, teleology and theology are considered as sense-making factors in the development of law. And not by themselves, but in some connection. We are fully aware of the responsibility for such a statement of the issue. Nevertheless, the intellectual history of mankind provides certain grounds for such an unusual point of view for our science.

Keywords: state; history; science; society; law; religion; theology; teleology; university; jurisprudence

Cite as: Kornev AV, Lazarev VV. Teleological and Theological Value for the Development of Russian Law. *Lex russica*. 2025;78(3):142-151. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.142-151

Юбилейная дата университета позволяет окинуть взглядом пройденный путь, всмотреться в наиболее примечательные события, отдать дань тем, кто внес в его историю частицу творческих усилий. Примечательно, что на чтениях, посвященных 220-летию Казанского университета, сразу несколько выступлений посвящены вкладу ряда ученых в развитие юридической науки. Дань памяти нашей истории. И все-таки хотелось бы предложить комплексную, всеохватывающую тему в качестве по-настоящему нового направления в отечественной науке, интегративно объединяющего историческое и современное, знание и веру, реалию и идеал, теорию и практику, право и закон, законность и нравственность, светское и религиозное. Коллективный системный поиск истины, прагматически привязанный к обстоятельствам места, времени и действиям творцов истории, а именно **телеологические и теологические смыслы развития российского права**.

Полагаем, нет ни одного ученого, кто бы сказал, что тема разработана, что есть какие-либо исследования подобного рода.

Однако найдутся и те, кто будет решительно возражать против того, чтобы наука хоть в какой-то степени занималась поиском теологических смыслов социальных реалий. Более того, последуют аргументы и ссылки на Конституцию и другие законы, согласно которым Россия — светское государство, религия отделена от государства. И в этой связи наш первый тезис в защиту темы: **можно отделить или стараться отделить религию от государства, но нельзя отделить от государства теологию**. Попытка этого напоминала бы запрет мысли, запрет постижения исторических форм государства и права, запрет прогнозного видения судеб государства и права.

Наука, увы, проявляет свою непоследовательность и слабость: с одной стороны, она настойчиво стоит на стороне того, что наукой доказано, и отвергает в качестве истины то, что не обосновано ее средствами, а с другой, хотя она не может доказать, что Бога нет, исходит именно из этого, отвергая всё, что объясняется божественным промыслом.

Мы очень долго не хотим признать очевидного факта, который состоит в том, что именно религия стала ключевым институтом, который и формировал представления человека о социальном порядке и его структурах. С возникновением письменной речи представилась возможность фиксировать существующую и желаемую реальность в знаковых формах. Язык в качестве инструмента описания дал огромные возможности для познания и стал едва ли не главным элементом в когнитивном инструментарии науки. Как тут не вспомнить «в начале было Слово, и слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть»!¹

Через религию человек познавал мир как таковой, а также *цели и смыслы собственного бытия*. Это в полной мере относится к обществу и государству, особенно в период господства теократии. Религия помогала социализироваться человеку, усваивать модели поведения в обществе. Посредством религии происходила легитимация структур и институтов. Первоначально церковь взяла на себя эту роль. Затем на эту функцию стала претендовать наука.

Странно, но наука не отваживается признать теологию своим дитятей. Между тем всё самое существенное в признании небесного творца и его земного творения обусловлено логическими заключениями умных людей от противоположного:

¹ Евангелие от Иоанна. 1:2,3.

что может быть, если исходить из того, что Бога нет и нет никакой надежды на лучшую жизнь. Наука констатировала большую роль иррационального в жизни людей и упорядочивала эти знания во имя сколько-нибудь приемлемой земной жизни.

Между тем наука выросла из религии. Есть расхожее мнение: «Бог творил природу, используя язык математики». Как и другое: «Невежество уводит от Бога, а знания приводят к Нему». Насколько серьезно можно к этому относиться? По всей видимости, можно. Девиз Оксфордского университета говорит сам за себя: *Dominus illuminatio Mea* («Господь — просвещение мое»). В данной парадигме наука не является альтернативой теологии. Наоборот, ее задача сводится к тому, чтобы открыть с помощью своего инструментария *замысел Бога*. Точное время его возникновения неизвестно. Считается, что Оксфордский университет был основан в 1096 г. Когда-то профессора и студенты относились к своим обязанностям совершенно иначе. Первые считали лекции аналогом проповеди, а вторые воспринимали экзамен как аналог страшного суда. И те и другие готовились основательно. Попробуй сегодня заставь вернуться в прошлое. Буржуазные революции «освободили» человека от необходимости учиться так, как это было принято несколько веков назад. Сегодня всё держится на интересе, а не на страхе перед Господом. Мы сегодня живем в обществе, в котором «Бог умер» (Ф. Ницше).

Наука на своем первоначальном этапе использовала познавательный инструментарий, выработанный богословием, теологией. Это подтвердит любой историк науки. Без схоластики и схоластов наука просто не могла бы состояться. Причем это относится как к естественным наукам, так и к гуманитарным, теперь социальным. Некогда практически все науки были составными частями богословия. Юридическая наука в этом смысле не была исключением. Одним из принципиальных вопросов была дискуссия о соотношении веры и разума. Принято считать, что вера черпает аргументы внутри себя. Наука не может позволить себе такого. Однако сегодня всё чаще теологи обращаются к науке, равно как и ученые — к теологии. В этом нет ничего странного.

Х. Гюйгенс изобрел часы с маятником в 1657 г. Часы символизировали собой некий

макет Вселенной, а не просто механизм, показывающий время. Ход маятника наводил на мысль о первом толчке, «запуске» Вселенной, что естественным образом сводилось к Творцу.

И. Ньютон в своей личной библиотеке имел Библию на нескольких языках. Его биографы утверждают, что гениальный физик с 33 лет по нескольку часов в день изучал Библию. В конце своей жизни он утвердился в мысли о том, что религиозная и научная картины мира не противоречат друг другу. В своем главном труде «Математические начала натуральной философии» он начертал свое знаменитое изречение: «Гипотез я не измышляю». Существует мнение, что Ньютон «принял Истину как гипотезу Бога, ибо иначе не мог найти объяснения изумительной гармонии Мироздания и происхождения законов природы — первопричине всего сущего»².

Человек уже на ранних стадиях своего интеллектуального развития убедился в разумном устройстве Вселенной. Он пытался найти свое место в ней. Но для этого нужно было познать ее. Именно неудержимая тяга к познанию и привела к зарождению научного знания. Человек наделен одновременно воистину бесценными дарами: познания и творения. Уже древние греки были убеждены, что если человек открывает тайны природы, то тем самым он приближается к богам.

Р. Декарт, и не только он, призывал не смешивать два пути познания, которые до сего времени остались неизменными: откровения и научного поиска. Тем не менее огромное количество воистину гениальных ученых были убеждены в том, что Писание и Книга природы в принципе говорят об одном и том же и когда-нибудь обретут единство.

Рассматриваемая тема располагается в области гуманитарного знания. В отличие от естественных наук, гуманитарные истины покоятся на признании и отвержении каких-либо ценностей, что придает значение субъективным обстоятельствам. Объективные факторы и математические расчеты не сыграют здесь определяющей роли. История дает свидетельства того, что люди индивидуально и коллективно могут следовать неведомой воле, имеющей право именоваться Божественной.

В представлениях древних право имело божественное происхождение. Достаточно обратиться к истории всех древних цивилизованных народов. Законы некогда были следстви-

² Баландин Р. Горе от ума? Причуды выдающихся мыслителей. М., 2017. С. 127.

ем верований, соответственно, в отношениях между собой люди считали законы религией. Это современный человек нередко оценивает закон с позиции: справедливо или несправедливо. У древнего человека оснований сомневаться в справедливости законов просто не было. Н. Д. Фюстель де Куланж констатирует: «Древние говорили, что они свои законы получили от богов. Жители Крита приписывали свои законы не Миносу, а Юпитеру. Лакедемоняне считали, что их законодателем был не Ликург, а бог Аполлон. Римляне полагали, что Нума писал законы под диктовку одного из самых могущественных божеств древней Италии — богини Игерии. Этруски получили свое право от Бога Тагеса. Истинным законодателем древних был не человек, а религиозные верования... У древних закон был всегда священным; во времена царей он был царем царей, во времена республики он был царем народа. Неповиновение закону считалось святотатством»³.

Подлинная наука не может игнорировать факты, в частности бесспорные исторические факты того, что люди веками жили в лоне религиозных представлений, религиозных воззрений, религиозных учений. Но именно в жизни мы ищем критерии истин. Истин исторических и современных. Вычеркивать что-либо из жизни — значит изменять науке.

Человек (*Homo sapiens*) — общественное существо, обладающее разумом и сознанием. И первое, что отличает его в этом качестве, — постановка целей. Следует сразу оговориться: сознание позволяет ему изначально определяться относительно возможности реализации соответствующих целей. Силы человека здесь оказываются ограниченными не только природными факторами, но и рядом социальных зависимостей. Познавая те и другие, человек делает сознательный выбор в вариантах своего поведения. Однако наука признает существование чего-то такого, что находится за пределами человеческого рацио.

«Теолог на все времена» Фома Аквинский в своем главном труде «Сумма теологии» стремился доказать базовый с его точки зрения тезис, а именно: человек соотносится с Богом как со своей целью. По его мнению, первоначалом всяких дел, проистекающих из практического

разума, является их конечная цель. Конечная цель человеческой жизни есть счастье, блаженство. Однако целью сообщества является общее благо. На этой основе *теолог формулирует телеологическое понимание закона*: «закон есть не что иное, как некое установление в целях общего блага, принятое и обнародованное теми, кто имеет попечение об обществе»⁴.

Исключительно Фоме Аквинскому юридическая наука и образование обязаны тем, что римское право стали преподавать в университетах. Католическая церковь очень ревностно относилась к античному наследию. Аргументация теолога сводилась к тому, что римское право следует расценивать как предписание человеческого разума, на основе которого можно строить гражданское общество. Это, по его мнению, никак не противоречит базовым христианским догматам. Тем более что каноническое право создавалось на основе римского. Таким образом, на юридических факультетах европейских университетов римское и каноническое право стали основными дисциплинами.

Более того, в некоторых университетах предпринимались попытки объединения теологического и юридического факультетов в один. Считалось, что у них есть нечто общее, им в одинаковой степени присуща догматизация структур, которые они изучают. Но не только это.

С нашей точки зрения, юридическую науку и теологию сближает именно целевая природа их собственных познавательных структур. В средневековых университетах не преподавали «практическое право». Профессор учил студентов методу, позволявшему создавать самые справедливые по содержанию нормы, более всего соответствующие морали и благоприятствующие нормальной жизни общества. Право рассматривалось как модель социальной организации. Университетская наука обращена к праву во взаимосвязи с философией, теологией и религией, она указывает судьям, как решать дела на основе справедливости, предписывает правила, которым добропорядочные люди должны следовать в своем социальном поведении⁵.

Человек не может ставить цель жить вечно. Наука не может обосновать эту цель, а религия

³ Фюстель де Куланж Н. Д. Древний город. М. : Центрполиграф, 2010. С. 190.

⁴ Антология мировой правовой мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1999. Т. 2. С. 584.

⁵ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М. : Международные отношения, 1996. С. 34.

под авторитетом воли Всевышнего способна. Почему науке не признать этого как факта, почему не исходить из него, если это удовлетворяет людей, если это служит им в делах житейских? Тем более что множество реальных людей принимает его столетиями.

Более того, немало образованных людей посвятили себя служению теологическим истинам. Почему и этот факт не принять в обоснование привлечения теологии к активному служению людям? Хорошо известно, что И. П. Павлов, нобелевский лауреат, был глубоко верующим человеком. В. Л. Войно-Ясенецкий, одновременно религиозный мыслитель и ученый, доктор медицинских наук, профессор, лауреат Сталинской премии, ставший во второй половине жизни епископом Крымским и Симферопольским, демонстративно читал лекции студентам в монашеском облачении. Его «Очерки гнойной хирургии» помогли спасти жизни миллионам солдат Великой Отечественной. При этом он три раза отбывал наказание, подвергался пыткам и издевательствам, но от Христа не отказался. И таких примеров великое множество.

Наука традиционно сопротивляется всякому «ненаучному» подходу. Вместе с тем можно убеждаться, как она сдает свои позиции. Сегодня на вопрос, существует ли другая реальность, отвечают вполне в согласии с теологией положительно и ссылаются на признание факта физической наукой⁶. Квантовая реальность — это реальность вероятности.

Несколько лет назад были актуальны дискуссии о полноценном включении теологии в образовательный процесс, и были приняты все решения на государственном уровне, поставившие ее в один ряд с другими академическими специальностями. Обоснование соответствующим

позиций хорошо даны, например, в докладе митрополита Волоколамского Илариона «Теология в современной России: становление отрасли» на пленарном заседании Первой Всероссийской конференции «Теология в гуманитарном образовательном пространстве»⁷ и в его статье «Теология в современном российском академическом пространстве»⁸. В тексте научной статьи по специальности «Философия, этика, религиоведение» описывается история становления теологии как образовательной и научной дисциплины в российском высшем образовании и науке начиная с 1992 г.

Отмечается, что теология как образовательная дисциплина возникла не как проект религиозных организаций, а как инициатива Министерства науки, высшей школы и технической политики РФ, а также научного и образовательного сообщества в ситуации институционального коллапса структур «научного атеизма» в 1991 г. В статье представлена историческая информация об изменении отношения руководства Русской православной церкви к утвержденной государством университетской теологии и роли церкви в развитии государственных образовательных стандартов по теологии, а также о внесении теологии в номенклатуру специальностей научных работников. Затрагиваются дискуссионные темы, обсуждаемые в академическом сообществе в связи с внесением теологии в номенклатуру специальностей научных работников ВАК РФ. В частности, на основе идей Ю. Хабермаса анализируется вопрос о светскости университетского образования и условиях присутствия в нем конфессиональной теологии. С философских и общественно-научных позиций рассматриваются научный статус теологии, а также вопросы предметно-методи-

⁶ Соратник А. Эйнштейна Д. Бом попытался объяснить, почему каноны квантовой механики несовместимы с законом классической физики. Он математически выявил существование двух типов реальности: непроявленной квантовой и проявленной физической. Реальность, которая описана квантовой физикой, — это как раз та, в которой представлены вероятности того, что может произойти в реальности физической. И именно ее в какой-то степени можно назвать магической. И наша вторичная реальность является некой проекцией реальности первичной, в которой начинается всё, что потом происходит...

⁷ URL: <https://mospat.ru/ru/news/48400/>.

Докладчик справедливо посетовал, что на протяжении многих десятилетий теология была искусственно выброшена из образовательного пространства, что Библия, Коран и Талмуд фактически были запрещенной литературой, и высказал удовлетворение, что эта противоестественная ситуация сегодня исправлена, и теология заняла свое законное место в системе гуманитарных наук, преподаваемых в светском университете. «Вопрос о том, является ли теология наукой или нет, фактически закрыт...». Докладчик связал последнее обстоятельство с административными решениями. Но мы понимаем: для признания теологии самостоятельной наукой нужны ее результаты, ее достижения, ее открытия.

⁸ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teologiya-v-sovremennom-rossiyskom-akademicheskom-prostranstve>.

ческой демаркации теологии и смежных академических дисциплин.

Первый шаг высвобождения теологии из «светского плена» сделан. Теперь предстоит с научных позиций, исключая преходящие политические интересы, использовать возможности теологии в решении тех проблем, которые обрушились на головы землян в XXI в. Разумеется, в контексте здоровой конкуренции с классическими гуманитарными науками, каждая из которых вскрывает массу проблем, требующих новых подходов.

Предлагаемая тема — одна из тех, которых не касалась отечественная юридическая наука вообще. Это и понятно: юридические науки в большой степени когда-то отличались партийностью, и никакая методология здесь, кроме официальной марксистской, не могла быть принята. Она подвергалась исключительно критике, позитивное использование исключалось. Исключалась она и по той естественной причине, что в советское время фактически не были известны и не были востребованы труды именитых теологов, не было основополагающих руководств по изучению и использованию теологических позиций. Понятно, что только на их основе юридическая наука может ставить и решать конкретные вопросы.

Практически во всех университетах «старой» Европы и по сей день студенты изучают каноническое право. Этой традиции уже сотни лет. Так или иначе, они выходят на теологические аспекты права. С нашей точки зрения, такой подход способствует наиболее глубокому пониманию права.

Нетерпеливый читатель вправе со всей иронией или на полном серьезе, выражаясь языком В. М. Шукшина, «срезать» профессора, осведомившись, о каких вопросах, например, может идти речь. Ответим серьезно и назовем из общей массы три, в решении которых нужно точно обратиться к теологии.

Первый — вопрос о смертной казни. Нет необходимости приводить свидетельства об очередном всплеске интереса к его решению. Недавно, например, он обсуждался на НКС Федеральной палаты адвокатов, и была проявлена озабоченность по поводу легковесности мнений, связанных с мораторием. Заметим, что всегда в полемике по поводу того или другого решения вопроса в законе рассуждали о том, кем дается жизнь человеку. Однако далее очевидной сентенции дело не шло. Теология со своим научным арсеналом не подключалась.

Второй — вопрос о собственности. Различные религиозные и политические течения решали его по-разному. Правовые системы закрепляли разные правовые режимы, но, похоже, что смыслы, закладываемые человеческими целями, оказываются скорее разрушительными. Надо призвать на помощь теологию.

Русская философия собственности преимущественно исходит из того, что всё принадлежит в конечном счете Богу. Человек, как существо смертное, может только владеть и пользоваться собственностью, особенно землей. Это очень болезненный вопрос, и до настоящего времени его полемическая заостренность сохраняется.

Третий вопрос намеренно берем горячий и политически ярко окрашенный. Конфессиональный раздрой на Украине. Принятие законодательства в этой сфере не может ограничиться сугубо теологическими позициями, хотя без них тоже не обойтись. Заметим попутно, что при постановке цели выявить возможности положительного служения теологии не исключаются и сугубо критические подходы.

Ранее замечено, что юридическая наука, как и любая другая гуманитарная, в отличие от естественно-научной, не удовлетворяет строгим критериям науки. Естественные науки являются номологическими, поскольку объясняют явления через закон в точном, научном смысле этого слова. Научный закон есть абсолютная связь между явлениями. В естественных науках даже единичное явление может привести к открытию. Социальные науки являются каузальными, ибо описывают явления, которые они изучают, через причину. Следовательно, объектом их изучения является коллективный социальный опыт, на основании которого только и возможно открытие закономерностей. По всей видимости, законов в строгом смысле они не открывают. Задача социальных наук, и прежде всего юридической, заключается в том, что именно они вырабатывают те смыслы, которые закрепляются в нормах права. Мы попадаем в диалектический тупик, выход из которого можно найти в разных представлениях о науке и об истине. Общая позиция большинства юристов состоит в отрицании истины в суждениях должного характера, каковыми по природе своей являются правовые нормы.

Если это так, если в праве господствуют оценочные суждения, если его императивы не претендуют на истину, то нет причины опасаться, что некоторые нормы будут основываться на

теологических максимах. Считаем возможным сказать более решительно: право нередко находится за пределами рационального. Взять хотя бы попавшую под руку «скороговорку» британского поэта Р. Грейвса: «Память о прошлом и есть “рацио”, память о настоящем — это эмоции, а “память о будущем” — наша интуиция». Право, мораль, религия — всё это уже в сфере эмоций. Всё в качестве посредника того, что рацио, прошедшее через эмоциональное горнило, предлагается (?) в качестве будущей реальности.

Сказанное в очередной раз заставляет позитивно оценить глубокий подход к праву Л. И. Петражицкого. Эмоции (от лат. *emotio* — потрясаю, волну) — субъективное переживание нашего отношения к окружающему и к самим себе. Эти переживания объективируются в тех или других нормах, а затем — в актах реализации этих норм. Прежде всего это чувственные переживания. Однако затем приходит восприятие аналитическое, критическое, отличающееся от живого впечатления. Тогда же подключается интуиция. В итоге не просто складывается рациональное восприятие, которое сопровождало формирование норм, но через посредство понятий и логики образуется система глубоко научного знания. Иногда рациональное понимание идет в противоположность чувствованию, но наибольший эффект достигается в ходе параллельных процессов и в соединении тех и других усилий (средств).

В принятии решений представляется важным, какие смыслы имеют предпочтительное значение. Соответственно, встает вопрос о факторах, формирующих эти смыслы. Приверженцы принципа законности отдадут первенство закону (праву). Но они не отвергают роль (хотя бы и вторичную) моральных установлений. О теологических смыслах говорить не принято, и решения принимать на их основе правоприменители не уполномочиваются. Между тем никого не смущает и, больше того, вызывает поддержку общая позиция руководства естественным правом. Последнее, надо

напомнить, живет не только в светском, но и в теологическом варианте. Мягкое отношение к теологическим смыслам можно констатировать в мусульманском праве. Российское публичное и особенно частное право может отражать официальное признание некоторых из них.

На протяжении трех и более десятилетий можно слышать сентенции, что наши депутаты не знают, что творят, не пишут тех законов, в которых общество действительно нуждается. Тем самым отвергается всякое рацио правотворчества. Может быть, тем самым приветствуется иррациональная составляющая важнейшей государственной деятельности? И да и нет.

В соответствии с азами философской науки, в основе иррационального мышления лежит импульсивное принятие решений, сформированное на эмоциях, самоощущении и чувствах. Отсюда методы иррационального мышления⁹.

Интуиция. Это некое предчувствие, ощущение, не подкрепленное никакими фактами и логикой. Просто нужно поступить в этой ситуации так, как говорит сердце, а не иначе.

Озарение. Внезапное осознание верного решения, мгновенное появление правильной мысли. Озарение может прийти, например, во сне, утром за завтраком или в беседе с другом.

Воображение. Это способность человека моделировать ситуацию и решать проблему без использования практических навыков. Додумывать недостающие элементы и восстанавливать общую картину произошедшего.

Ученые будут иметь разные мнения по поводу того, что есть, а чего нет в депутатских руководствах при принятии законов. С учетом того, что депутаты разные и проблемы решаются разные. Наиболее ироничные эксперты, очевидно, отдадут предпочтение озарению и воображению. Но трезвые аналитики будут пытаться показать, что депутатские сердца говорят им о собственных интересах. В любом случае надо знать смыслы законов. Это во-первых, а во-вторых, надо иметь в виду, что в наше постмодернистское время приходится учитывать бессилие рационального в решении ряда вопросов¹⁰.

⁹ URL: <https://lifehacker.ru/irrationalnoe-myshlenie/>.

¹⁰ Общим местом становится интернетовское: «Сейчас мы создали вокруг себя искусственную среду, с которой не справляются возможности нашего логического сознания». Есть такое понятие — «ограниченная рациональность», предложенное некогда лауреатом нобелевской премии Г. Саймоном. Согласно ему, как отдельные люди, так и целые организации не в состоянии справиться с проблемами, которые превышают некоторый определенный уровень. Никто уже не в состоянии даже просто понять, что происходит вокруг.

Проблема пределов правового регулирования для науки не новая. Но внимание сосредоточивалось на заземленных, практических вопросах. Между тем исходными должны бы быть философские, теологически окрашенные позиции. Например, исходный: может ли человек повлиять на реальность, изменить существующую картину мира? Трудно однозначно ответить даже на вопрос: приблизился ли человек к пониманию мира или в силу различных обстоятельств отдалился от этой цели? Многие считают, что люди уже не в состоянии понять сложность этого мира, их сознание деформируется, и в своем поведении человек деградирует. Порой происходящее вокруг нас можно квалифицировать в качестве метафизического абсурда. Жертвами геополитики стали экономика, право, да и просто элементарный здравый смысл.

Юристы ценят фикции. Будем исходить из того, что целесообразно привести теологические ценности в юридическую материю. Встает главный вопрос: почему это надо сделать путем утверждения некой комплексной темы, некой развернутой программы именно на юридическом факультете Казанского университета? Именно здесь наиболее явственно произошло столкновение науки и теологии. Простым ответом, что никто темой не занимается, это открывает новизну и т.д., не обойтись. Есть очень серьезные аргументы другого масштаба.

Первое обстоятельство имелось в виду уже при образовании университета в Казани. Глубоко мыслящие патриоты российской государственности полагали, что именно здесь возможно **решать на научной базе вопросы противостояния западных и восточных ценностей на основе сближения трех главных религиозных конфессий: православной, мусульманской и иудаистской. Перспективы национального государства связывались с национальной религией, с формированием единой народной общности.**

Идея не получила развития в стенах университета, хотя историки найдут много фактов из жизни народов Поволжья и вообще народов России, свидетельствующих об их единении в решении общих судеб. Более того, не только исторические, но и современные реалии позволяют видеть актуальность давних вопросов единения народов России. Между тем власть скорее использовала университет как форпост

на пути проникновения западной революционной идеологии. Свидетельством этому являлись меры, принятые в отношении ряда профессоров и читаемых ими курсов, которые расходились с глубинными теологическими установками.

Есть подозрение, что теология была и остается падчерицей в университете. Причем не только в Казанском. Кафедра умозрительной и практической философии (таково первое название кафедры философии Казанского университета) была учреждена сразу в составе отделения нравственных и политических наук (в будущем — юридического факультета). Философия (в составе логики, метафизики, психологии, истории философских систем) входила в число наук «приготовительных», которым «необходимо должны учиться все... какой бы род жизни и какую службу ни избрали». В 1850 г. последовало высочайшее распоряжение о закрытии кафедр философии во всех российских университетах (кроме Дерптского). Была упразднена и кафедра философии в Казанском университете «как несоответствующая видам правительства и не обещающая благоприятных последствий». Еще раньше этого времени был упразднен философский факультет. Верховная власть не без основания усматривала связь между философией и «французской пагубой» — революцией. Лекции по логике и психологии читались по программам, составленным в Духовной академии и одобренным Синодом. Надзор за их преподаванием в Казанском университете был возложен на ректора Казанской духовной академии. Теологи духовного звания входили в состав суда, учиненного над профессором Г. И. Солнцевым, обвиненным в том, что его лекции не соответствуют божественному учению.

В 1860 г. кафедры философии в университетах были восстановлены. Светская философия была реабилитирована в своих правах. Понадобилось 10 лет, чтобы пришло осознание и признание того, что «вследствие закрытия кафедр философии... ощущается большой пробел в умственном развитии студентов... они лишены возможности изучать исторический ход развития духа человеческого»¹¹.

На основании этого мы делаем вывод о существовании в университете исторического материала для современного осмысления. Благо их более чем достаточно.

¹¹ Бобров Е. А. Философия в России. Вып. 5. Казань, 1901. С. 10.

Идея, не получившая 220 лет назад практического развития, может иметь перспективу в современных условиях. И не только в силу своего позитивного содержания, но и благодаря организационной поддержке. Представляется, что власти Татарстана, что называется, кровно заинтересованы в том, чтобы полнее раскрыть роль татарского народа в формировании российской государственности. Не менее они должны быть заинтересованы и в использовании того арсенала научных знаний, который сформировался с учетом национальной специфики, при внесении всякий раз поправок в законопроекты.

Сегодня в университете функционирует кафедра религиоведения как ведущая кафедра, осуществляющая подготовку специалистов в области межконфессиональных отношений в Российской Федерации, центр религиоведческого и теологического образования и научных исследований Приволжского федерального округа. Согласно положению о кафедре, здесь ведется образовательный процесс по следующим направлениям подготовки:

- религиоведение (бакалавриат);
- религиоведение: религии России (магистратура);
- юридическое религиоведение (магистратура);
- теология: государственно-конфессиональные отношения (бакалавриат, христианская и исламская группы);
- теология: наука и религия (христианский профиль) (магистратура);
- история и теология ислама (магистратура);

— философия религии и религиоведение (аспирантура).

Как убеждаемся, представленные направления образовательного процесса органично предполагают и направления исследовательской деятельности. А если учесть, что кафедра постоянно отслеживает состояние дел в области религиозно-государственных отношений (как с позиций религиоведения, так и с точки зрения теологии), то можно представить перспективы академической аналитики и мониторинга теологической ситуации в государственно-правовой среде.

В предлагаемой теме на первом месте стоят телеологические смыслы. Фактически идет речь о правотворчестве, в процессе которого они производятся, а затем о правоприменении, в ходе которого они реализуются. Всё это является предметом юридических наук. Поэтому основное «место жительства» темы — юридический факультет. Всё остальное связано с развитием межфакультетских и межкафедральных коммуникаций. Сегодня есть все возможности проводить исследования на самом высоком современном академическом уровне.

Университет — это прежде всего сохранение традиций и производство смыслов. Социологи науки нередко именуют юриспруденцию нормативной наукой. Во всяком случае, авторы не возражают против такой постановки вопроса. Одна из функций науки есть рационализация действительности на основе открытых законов и закономерностей. Смыслы, приобретающие правовые формы, следует рассматривать как факторы развития права. В этой связи теология и телеология вполне могут дополнять друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антология мировой правовой мысли : в 5 т. Т. 2. М. : Мысль, 1999. 829 с.
- Баландин Р. Горе от ума? Причуды выдающихся мыслителей. М., 2017. 384 с.
- Бобров Е. А. Философия в России. Вып. 5. Казань, 1901. 208 с.
- Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М. : Международные отношения, 1996. 400 с.
- Евангелие от Иоанна. М., 1994. 428 с.
- Иларион, митрополит Волоколамский. Теология в современной России: становление отрасли // URL: <https://mospat.ru/ru/news/48400/>.
- Иларион, митрополит Волоколамский. Теология в современном российском академическом пространстве // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teologiya-v-sovremennom-rossiyskom-akademicheskom-prostranstve>.
- Фюстель де Куланж Н. Д. Древний город. М. : Центрполиграф, 2010. 414 с.

REFERENCES

- Anthology of world legal thought: in 5 volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl Publ.; 1999. (In Russ.).
- Balandin R. Woe from wit? The vagaries of prominent thinkers. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).
- Bobrov EA. Philosophy in Russia. Kazan; 1901. (In Russ.).
- David R, Geoffrey-Spinosi K. Major legal systems of today. Moscow: International Relations Publ.; 1996. (In Russ.).
- Fustel de Coulanges. The ancient city. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2010. (In Russ.).
- Gospel of John. Moscow; 1994. (In Russ.).
- Hilarion, Metropolitan of Volokolamsk. Theology in Modern Russia: The formation of the field. Available at: <https://mospat.ru/ru/news/48400/>. (In Russ.).
- Hilarion, Metropolitan of Volokolamsk. Theology in the modern Russian academic environment. Available at: <https://bigenc.ru/c/teologiya-v-Rossii-713316>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
kornev_av@rambler.ru

Лазарев Валерий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник центра фундаментальных исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

д. 34, Большая Черемушкинская ул., г. Москва 117218, Российская Федерация
yalazer@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
kornev_av@rambler.ru

Valery V. Lazarev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher, Center for Fundamental Research, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

yalazer@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 20 августа 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 февраля 2025 г.

Принята к печати 15 февраля 2025 г.

Received 20.08.2024.

Revised 14.02.2025.

Accepted 15.02.2025.